

**Выступление на заседании Круглого стола «Эволюция российского
“среднего класса”: причины, содержание и перспективы»**

9 декабря 2014 г.

Я занимаюсь проблемами трудовых конфликтов, трудовых отношений. Не очень хорошо представлял формат сегодняшнего мероприятия. Ольга Михайловна обозначила мне тему. Я посмотрел присланный документ. Набрал себе целый ряд мыслей. Некоторые из них я хочу высказать.

Выскажусь по двум последним вопросам. Один касается протестов. Мы ведем у себя мониторинг трудовых протестов с 2008 года, фиксируем целый ряд параметров. Если кому-то будет интересно, я могу подробнее рассказать о методике. Мы собираем эту информацию из Интернета, потом ее кодируем и накапливаем в текстовом формате. У нас сейчас 1600 текстов о трудовых протестах и, соответственно, количественная информация.

Статистика нашей базы. Мы выделяем протесты. Почему мы этим занялись? Потому что то, что показывает Госкомстат, это, конечно, никуда не годится. Они показывают те трудовые споры, которые проходят в соответствии с законом. В прошлом (13-м) году, по данным Госкомстата, было 6, в позапрошлом было 0. То есть они показывают, что ничего нет, никакой конфликтности не существует.

У нас, конечно, это социологическое исследование. То есть мы фиксируем не только забастовки. Мы фиксируем вообще протесты во всем многообразии форм. Дело в том, что в России существует законодательство очень сложное, очень запутанное о забастовках, которое практически выполняет запрещающую роль. Невозможно провести нормальную забастовку. Об этом говорят все профсоюзы, как ФНПР – консервативные, так и радикальные новые профсоюзы.

Поэтому мы выделяем сами протесты, и внутри них мы еще выделяем так называемые стоп-акции, это тогда, когда останавливается работа. Почему мы не называем это забастовкой? Потому что многообразие столько велико, что не всякая остановка работы может считаться забастовкой.

Вы видите здесь статистику, которая приведена. Общие цифры – это под 300. В этом году мы ожидаем (сейчас у меня есть данные за десять месяцев) 240 протестов. Ноябрь и декабрь дадут нам еще 40. Потому что сейчас в последние годы нарастает число протестов. 102 случая – это когда просто останавливалась работа.

Ближе к нашей теме. Конечно, мы не можем выделить средний класс в этих протестах. Но мы можем выделить бюджетные отрасли, прежде всего медиков, учителей, работников культуры. Я привел по ним данные. Это процент от общего количества всех протестных акций. И вы видите, что они нарастают. То снижение синенького сегмента по медикам в ближайшие месяцы будет исправлено в сторону увеличения. Потому что здесь нет ноябрьских данных.

Я не большой специалист в вопросах стратификации общества, в вопросах среднего класса. Но мне все-таки кажется, что бюджетники – это часть среднего класса наряду с квалифицированными рабочими. Но их мы выделить здесь не можем.

Достаточно хорошо видно, что все последние годы протестное движение в бюджетных отраслях нарастает. Трудовых протестов становится больше. Сейчас каждый четвертый трудовой протест в России – это будет протест этих людей.

Немного не соглашусь с тем, что эти люди протестуют за вчерашний день. У них совершенно другая мотивация. Они защищают свои трудовые права, то есть то, что им положено, то, что должно быть, что должно соблюдаться. То есть они не против, скажем, тех же сокращений, увольнений. Но пусть это будет открыто. Пусть это будет по закону. Пусть это будет в нормальных пределах – как правовых, так и этических. Потому

что когда увеличивается нагрузка на медика в 1,5-2 раза, при этом это уже не добровольно, это обязательно. То есть если ты не хочешь работать на две ставки, то против тебя организуется какое-то давление, тебя начинают преследовать. Поэтому люди просто-напросто защищают свои элементарные права.

Что касается взаимодействия трудовых протестов с другими протестами. Так как разговор идет свободный, я могу поделиться своим наблюдением. Я очень давно занимаюсь трудовыми протестами. Очень хорошо помню эту ситуацию 89-го года. Я тогда как раз жил в Кузбассе, где произошла летом знаменитая грандиозная шахтерская забастовка, которой не было в истории страны. 600 тысяч человек от Сахалина. Тогда украинский Донбасс был в одном государстве. 600 тысяч человек встали в течение недели.

Если вы помните, перед этим, весной, прошли выборы нового Верховного Совета. Май был бурным периодом. Мы все смотрели телевизор, репортажи с заседаний Верховного Совета, видели, как агрессивно послушное большинство блокировало все инициативы этого нового либерального класса, и как они уперлись в неспособности сдвинуться не в ту, не в другую сторону.

Я выскажу такое предположение, что ситуацию сдвинула забастовка шахтеров. После нее покатило очень многое. Начались процессы, которые привели в конечном счете к 91-му году. Потому что я напомним, что кроме забастовки 89-го года еще состоялась не менее грандиозная забастовка 91-го года – февраль-март, которая отчасти была спровоцирована политическими событиями в Вильнюсе. Но, в общем, она была долгая - я ездил по шахтам - с февраля до конца марта, это было несколько недель. Достаточно тяжелая была ситуация.

До тех пор, пока не включалась массовая группа шахтеров. Причем там еще был такой момент. К шахтерам постоянно хотел присоединиться еще кто-то: химики, железнодорожники, металлурги. И шахтеры тогда

декларировали такой тезис: не надо нам присоединяться, не надо ухудшать ситуацию, мы бастуем за вас. Давайте ваши требования, мы их включим. Потому что с нами сейчас разговаривают. Правда, потом все это обернулось тем, что шахтеры получили повышение зарплаты, а больше никто не получил. И это так здорово все разорвало.

Но я думаю, что сегодня ситуация отчасти похожа. Конечно, я не ожидаю, что забастуют то ли шахтеры, то ли металлурги, то ли бюджетники. Сегодня ситуация несколько иная. Мы рассматривали ситуацию в Пикалево, что там произошло. Там помимо такого серьезного трудового конфликта был еще очень жесткий коммунальный конфликт: там отключили горячую воду в городе. И именно это было спусковым крючком, который вывел людей на улицы. То есть слились два протеста: коммунальный и трудовой.

Примерно такая же ситуация повторилась через год в Междуреченске, когда там после аварии на Распадской произошли столкновения с милицией. Тоже перекрыли дорогу, блокировали мэрию. Пришлось вызывать ОМОН. Там была пролита даже первая кровь.

Я думаю, есть основание считать, что произойдет не какой-то один протест, не чисто политический, не чисто трудовой, не чисто экологический или коммунальный. Произойдет сразу слияние. Тем более что проблем у нас сейчас множится, как снежный ком. Каналов для выражения недовольства по-прежнему не существует. Я думаю, что где-то что-то сольется в один большой бум.

И, конечно же, средний класс, прежде всего бюджетники будут играть в этом не последнюю роль.

Поделюсь еще одним наблюдением из 98-го года, когда были так называемые «рельсовые войны». Дело было в городе Прокопьевске - это тоже в Кузбассе, - который последний из городов Кузбасса не вышел на рельсы. Там уже был создан городской Комитет. Я на нем присутствовал. Я очень хорошо помню, как председатель профсоюза учителей и медиков в крепких выражениях, но пристойных для таких дам, говорил: вы что хотите,

чтобы учительки вывели людей на рельсы?! Идите-ка шахтеры и перекрывайте дорогу.

Это примерно такое будет. То есть взять на себя функцию этой совести, производство этих смыслов, почему это надо делать. Я думаю, бюджетная интеллигенция сможет это сделать. Такое очень универсальное, очень непростое может быть.

Хочу высказать еще одну мысль. Она касается перспектив того, что будет происходить со средним классом. Я занимаюсь трудовыми отношениями. И мой взгляд на эту проблему будет с этой стороны.

Мы сейчас стараемся в своих исследованиях отходить от таких понятий, как занятость, прежде всего потому, что занятость – это некий статус. А этот статус формируется трудовыми отношениями. Как они будут сконструированы, такой будет и занятость. А статусы занятости формируют и социальную структуру.

Сегодня большинство специалистов в области трудовых отношений не только в России, но и за рубежом говорят о том, что формируется новая структура, предлагается несколько вариантов. Они схожи между собой по смыслу. Различаются в деталях.

Я приведу только один вариант, который предложил Гай Стендинг. Он ученый, был крупным функционером в международной организации труда. Сейчас вернулся назад в науку. Он предлагает свой подход. Он вводит такой термин – прекариат. То есть это та группа, которая возникает вследствие прекариальных трудовых отношений. Прекариальные трудовые отношения – это срочный трудовой договор, это неопределенное рабочее время, это оплата, оторванная от количественных и качественных критериев, неопределенность трудовых функций, отсутствие гарантий. Для меня это особо важное – одностороннее регулирование трудовых отношений. То есть современные работодатели исключают диалог. Они создают ситуацию, когда работники не могут формировать трудовые отношения на предприятиях.

В России это закреплено институционально. Потому что при всем при том у нас существуют очень жесткие ограничения для работников и профсоюзов на ведение переговоров. Если надо, я могу это пояснить. Про забастовки я уже говорил. Про процедуры индивидуального разрешения трудовых конфликтов – тоже. Здесь есть колоссальные барьеры, которые не дают людям защитить свои права. Эта прекариальность является во многом следствием неформальности трудовых отношений, которая сегодня расцветает пышным цветом.

Люблю эту цифру – 40% всех занятых, которые назвала Голодец какое-то время назад. Это вообще потрясающе! Услышать из уст вице-преьера эту цифру – это ребята, что вы там делаете?! Неформальная экономика в 40% - это катастрофа, конечно же.

Все-таки эксперты дают оценки поскромнее – 20-25%. А вот данные опросов, данные Левада-Центра, которые мы просили, они по нашей просьбе делали. Здесь видно, что трудовое соглашение, гражданско-правовой договор – это удел 16% всех работников, 7% работают на основе устных договоренностей. Вот различные оценки этого неформального малорегулируемого сектора. Отсюда вырастает прекариальность.

Я теперь перехожу к среднему классу. Перспектива среднего класса, особенно нижней его части, – это переход в этот самый прекариат. То есть люди, которые не имеют стабильной работы. Люди, которые не имеют стабильной занятости. Их выдергивают когда нужно, их задвигают, когда это не нужно. Это аутсорсинг, аутстаффинг – все эти формы занятости.

Конечно, сегодня в основном прекариат – это низшие слои вообще всей рабочей силы. Но мы наблюдаем очень интенсивный процесс прекаризации на промышленных предприятиях. То есть индустриальные работники сегодня разъедаются этими прекариальными условиями труда очень-очень быстро.

И, в общем-то, это касается и бюджетников. Вы знаете, в школах выведены целые группы работников в аутсорсинг. Конечно, это уборщицы,

гардеробщицы. Но это учителя рисования, учителя музыки. Это психологи. И, в общем, я не вижу, что, например, остановит выведение за пределы штата предметников-учителей. В медицине это существует.

Одна из альтернатив, и весьма вероятных, развития среднего класса – это его разложение через прекариальные трудовые отношения. Главная особенность, которую подчеркивают все исследователи, которую мы тоже наблюдаем, о которой Борис Федорович говорил, о том учителе, - не низкая зарплата, не режим времени, неограниченный, это потеря профессиональной идентичности.

У меня есть любимый пример, когда в интервью молодой человек мне рассказывал свою траекторию. Слесарь на заводе, мастер прокатного стана, массажист, продавец пищевых продуктов, собственник небольшого магазинчика, продавец в пункте сбора цветных металлов, электрик. Это стандартная траектория. Он не бедный. То есть у него есть машина, он достаточно обеспеченный. Формально он даже проходит по этим условиям среднего класса.

Там зависимость такая. Пока они молоды, они довольны. Они считают, что умеют приспособиться к этой жизни. Они эту свою адаптивность считают достоинством. Чем дальше по возрастной шкале, тем печальнее становится у них взгляд. Они понимают, что они изнашиваются. Они понимают, что никаких механизмов преодоления этого нет. То захождение в средний класс, которое у них есть, может оказаться ненадолго.

Б.Ф. Славин (*с места*). Маленький вопрос насчет рабочих. Вы как-то обошли эту категорию, говоря о рабочих, которые входят в средний класс. Как сегодня обстоят дела с проблемами забастовок?

П.В. Бизюков. Я могу сказать, что рабочие по-прежнему являются все-таки главной протестующей группой. Наибольшее количество протестов мы видим среди рабочих машиностроения. Хотя сейчас очень сильно подтянулись транспортники. Именно там рождается. Протесты среди очень бедных категорий встречаются редко. Даже, скажем, когда коммунальщики

бастуют – это бастуют слесаря, это бастуют сантехники. Дворники очень редко выходят на протест. Бывают протесты, когда, например, девять месяцев не платят зарплату. Тогда даже дворники бастуют.

Б.Ф. Славин. Насколько я помню, уголовный кодекс не дает возможности бастовать?

П.В. Бизюков. Там такая процедура, что нужно сорок с лишним дней. Нужно составить кучу документов, причем работодатель в любой момент может эту процедуру сорвать.

П.В. Бизюков. По поводу курса власти на огосударствление. Вы знаете, огосударствление совершенно не мешает развитию неформальности в экономике. Мало того, опять-таки в нашем Центре работают юристы очень высокого уровня, которые консультируют и специалистов в Госдуме, и профсоюзы на самом высоком уровне, и готовили проекты законов. Они сегодня говорят о том, что существуют правовые, сформированные в законах такие механизмы, которые позволяют это делать.

Пример. Недавно был принят такой многострадальный закон, который инициировали профсоюзы, о запрете заемного труда. Он преподносился как большая победа таких людей, типа Исаева. На самом деле это закон, легализующий заемный труд. Огромный текст, посвященный: нельзя, нельзя, нельзя, а потом сделана одна маленькая оговорочка, которая позволяет практически неограниченно использовать заемный труд. Если будет интересно, я могу вас отослать. Там описаны все эти формулировки.

То есть, демонстрируя, с одной стороны, такую запретительную, потом раз, таким перевертышем – и все это узаконивается с точностью до наоборот.

Давно перечисленные поправки в законы, которые бы позволили избегать этой неформальной занятости. На взгляд той группы экспертов, которую я представляю, это зло. Это неформальные трудовые отношения, они считаются как раз составной частью прекариальных отношений. Эта оценка достаточно распространена во всем мире. Конечно, неформальную занятость стараются ограничить.

У нас создано достаточно много для того, чтобы этого нельзя было уничтожить. В частности, Гострудинспекция – самая слабая государственная служба. В Москве для сравнения есть только два места, куда вы можете пойти и пожаловаться на своего работодателя. В одном из них я был. Это две комнатки 5х6. То есть одна выполняет роль накопителя, в другой сидит сам представитель. Два таких пункта на всю Москву. А в Московской области их четыре на всю область.

Например, работодатель не выполняет условия трудового договора. Там сидят инспекторы, которые должны эти нарушения устранять. Но они будут действовать только в том случае, если у вас есть на руках договор. А если у вас трудового договора нет, они скажут: мы работаем только с документами. Значит, и всё, и не к кому идти. Можно идти в суд. Но тут отдельная история. Опять-таки можно рассказывать, как действуют суды, как они становятся совершенно неприкрытым, нахальным образом на сторону работодателя, который буквально на глазах, на коленках в течение судебного заседания подделывает документы. И это принимается. А совершенно бесспорные и очевидные документы со стороны работника суд отвергает.

Такая ситуация создает очень интересную позицию. Работодатель может делать сегодня с работником практически все, что угодно. Любого работодателя можно взять за жабры. Повод всегда найдется. Но это обеспечивает лояльность работодателя властям. То есть перед нами фактически такой договор: вы платите нам, за это мы вам разрешаем выжимать из работника столько, сколько вы захотите.

Вот, собственно говоря, все.

Женский голос. Информационный вопрос. У нас довольно жесткое законодательство относительно задержек заработной платы и чуть ли не уголовная ответственность работодателя за это. Реально как работает это законодательство?

П.В. Бизюков. Реально уголовная ответственность, даже административная только в случае умышленной задержки заработной платы.

Это одно слово – умышленное. Умышленное – это означает, что у меня есть деньги, я знаю, что мне надо зарплату платить, но я ее не плачу. Доказать это невозможно.

А если мне задержали платежи, если у меня что-то, если я принесу какой-то документ – это объективная ситуация.

У нас созданы институциональные механизмы, которые ограничивают возможности работников.

Никто не отменял неформального давления на работников. То есть да, есть право. Если вам не выплачивают заработную плату две недели, хотя само по себе это норма, которую профсоюзы пытаются оспорить. А что две недели можно работать за бесплатно? Вообще бесплатный труд – это принудительный труд. У нас разрешен принудительный труд на две недели с точки зрения права. Можно остановить работу, и за это ничего не должно быть.

Но по поводу архаизации. Вы сказали, что это 30-е годы. Наши исследования по поводу неформальных трудовых отношений и практик, которые сейчас, показывают, что это доиндустриальные практики. То есть это архаизация, но это еще более далеко. Это первая половина XIX века для Европы. Но это происходит не само по себе, на мой взгляд. Не скажу, что кто-то сидит и думает: как бы нам вернуть первую половину XIX века. Это стихийное нежелание работать со сложными системами в сложных условиях, вести диалог заставляет искать простые пути. И таким образом постепенно деградирует вся система.

Я вернусь к своим любимым профсоюзам. Давайте уберем эти барьеры. Причем мы их знаем, они сформулированы по поводу переговоров. Давайте упростим процедуру проведения забастовки. И мы завтра с нами не узнаем экономику. Процессы начнутся очень сложные, очень неоднозначные. Но в том числе там будет позитивное требование от работодателей: работать в сложной системе. Надо их находить, надо их убирать. И тогда это движение начнется, мне кажется.

П.В. Бизюков. Я это вижу в каждом интервью с работодателем. Он либо не хочет работать, потому что работать в таком одностороннем режиме без идеолога – это же не просто легче, это еще намного выгоднее. Он от этого получает реальную материальную пользу.

Говорилось о тех адаптантах, которые пришли из 90-х. Во-первых, они вышли не из очень сложной среды. Все-таки наш рынок зарождался через... Они эти ценности маленьких организаций принесли. Ведь какие мы видим структуры управления? Либо пирамидальная, если это большое. Этажи надо выстроить и командную систему. Либо это, если не очень большая, - я здесь главный во всем.

Это очень просто. Им не хватает квалификации. Человек, прошедший два курса, имеет две степени MBA, имеет степень кандидата экономических наук, в интервью мне сначала долго пересказывал учебник. Потом я ему сказал: ну хватит, давай уже по делу поговорим. Он мне начал о своих реальных процедурах управления. Это был демидовский стиль.

Анна Круглова. То есть запрос существует у работодателей. Запрос на упрощение как механизм эксплуатации, а у наемных работников запрос на упрощение как...

П.В. Бизюков. Нет, у них нет запроса на упрощение. Они пытаются усложнить. Есть барьеры, которые не позволяют им сделать эти отношения более сложными.

Какую мы ждем политическую активность, если я не могу решить ничего по поводу своего двора и своей работы?